

**ОТ СИНКРЕТИЗМА К ХРИСТИАНИЗАЦИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К РЕЛИГИОЗНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ БОЛГАР**

Рецензия на книгу:

Степанов Ц. Религии в езическа България. (Историографски подходи 1980–2015 г.). — София: Парадигма, 2017. — 255 с. — ISBN 978-954-3263-21-9

Доктор наук Цветелин Степанов (доцент кафедры истории и теории культуры Софийского университета им. св. Климента Охридского) — известный медиевист, давно и плодотворно занимающийся болгарской средневековой историей и культурой. Его работы, изданные во многих странах, в том числе в России, отличаются широкий евразийский, в пространственном смысле, кругозор, особое внимание к вопросам методологии исторического исследования, оригинальность предположений и выводов. О внимании международного исторического сообщества к его исследованиям свидетельствуют переводы книги «Болгары / степная империя в раннем Средневековье» (2005) на английский и венгерский языки¹.

В новом труде Ц. Степанова, анализируя болгарскую историографию 1980–2015 гг., описывает религиозную ситуацию в раннесредневековой Болгарии. Отмеченная во введении исследовательская задача – изучение «болгарского казуса в сопоставлении с другими подобными политическими формациями раннего Средневековья»

¹ Степанов Ц. България и степната империя през Ранното средновековие: Проблемът за Другите. София, 2005; *Stepanov Ts. The Bulgars and the steppe empire in the early Middle Ages: the problem of the «Others».* Leiden; Boston, 2010; *Sztepanov C. Lovasnomád birodalmak és városalakók. A mások problémája.* Budapest, 2008.

(с. 15) — составляет научное кредо автора, и ставится во многих его трудах. При этом «подобие» понимается весьма широко, и сравнительный материал нередко привлекается им из истории верований, этносов и политий, современных или близких по времени болгарам раннего Средневековья, но не связанных с ними непосредственно.

Историографическое поле Ц. Степанова охватывает не только академическую науку, но и работы «любителей-непрофессионалов», как их называет автор. Для изучения религиозной ситуации в древней Болгарии до принятия христианства это особенно важно, так как труды, не принадлежащие ученым болгарской академической школы и далекие от ее мейнстрима, составляют едва ли не большинство доступных читателям источников по этой тематике. Читателю же вне Болгарии, не знакомому с ассортиментом местных книжных магазинов и лотков на софийской площади Славейкова, рецензируемая книга представляет большое число популярных авторов, чьи работы анализируются спокойно и серьезно, в сопоставлении с данными источников и академическими трудами. С этой стороны рецензируемый труд имеет мало аналогий в современной Болгарии, где в исторической науке сильна конвенциональность, и «профессиональные» исследования развиваются в параллельных с «любительскими» пространствах.

Историографическая критика не входит в число трендов ни академической, ни «любительской» медиевистики в Болгарии, а ее немногие позитивные примеры пока редки на фоне «мифоборческих» штудий, где одни мифы зачастую опровергаются ради утверждения других. Принадлежность книги Ц. Степанова к таким позитивным примерам несомненна. Автор академически корректен в оценках рассматриваемых гипотез и осторожен в формулировке собственных выводов. Он оставляет открытыми вопросы, на которые дать однозначные ответы не позволяет наличествующий материал письменных и археологических источников, фольклорные, этнографические и лингвистические параллели и доводы.

Во введении (с. 15–26) автор подчеркивает, что «тема религий в языческой Болгарии <...> — часть других, более масштабных проблем, например, этногенеза и корней (прото)болгар <...> отношений между ромеями и болгарам до крещения». Вокруг этих проблем ведутся давние дискуссии, в которых, по мнению ученого, содержатся различные «проблемные ядра», иногда несводимые друг с другом по теоретическим основаниям (с. 20). Отказываясь от долгих экскурсов в прошлое и позапрошлое столетие, Ц. Степанов ограничивает историографический анализ работами последних трех с половиной десятилетий.

Первую главу — «Парадигмы» (с. 27–88) — составляют очерки о поисках современными болгарскими авторами родства верований древних болгар с тремя комплексами религиозных представлений. Автор обозначает их как тенгрианство, зороастризм и митраизм (наименования условны, поэтому в тексте книги эти названия нередко даются в кавычках). Вариант текста, включавший фрагмент четвертой главы рецензируемой книги о христианстве в Болгарии до его официального принятия, уже публиковался на страницах журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*². Эта статья сопровождалась подробной библиографией, что позволяет нам существенно облегчить научный

² *Stepanov Ts.* State-formation in Danubian Bulgaria, AD 681–865. Religious dimensions // SSBP. 2013. № 1 (13). С. 5–32.

аппарат нашей рецензии и сократить реферативное изложение соответствующих разделов книги.

Уже в первом параграфе автор проявляет осторожность как в частных оценках рассматриваемых гипотез, так и в формулировании на их фоне собственной позиции. Исследователь показывает, что большинство историографических построений о «тенгрианстве» древних болгар опирается на весьма ограниченный материал письменных и эпиграфических источников, который сопоставляется с данными из Центральной Азии и вписывается в общие описания древних тюркских и монгольских верований, существующие в мировой ориенталистике. Ц. Степанов даже пишет о «приписывании тенгризма (прото)болгарам» (с. 44), однако завершает параграф более осторожным предположением, что общность «между верованиями ираноговорящих народов Средней Азии и народов, общавшихся на алтайских языках, становится весьма серьезной после того, как тюрки подчиняют значительную часть выше(упомянутого) региона своему господству после 60-х гг. VI в., <...> появляется ряд синкретичных форм <...> в религиозных представлениях и ритуалах, так что на практике становится почти невозможным вычленивать, что является только и единственно иранским, а что — изначально тюркским» (с. 47).

Второй параграф, посвященный попыткам «любителей-непрофессионалов» приписать древним болгарам верования, схожие с зороастрийскими, целиком построен на фронтальном опровержении таких гипотез. Детально рассматривая параллели между зороастрийскими и шестью раскопанными в Болгарии языческими храмами (их планы и изображения входят в завершающий книгу альбом), Ц. Степанов весьма аргументированно отрицает «родство» древнеболгарских обычаев, празднеств и погребений с зороастрийскими практиками.

Третий параграф трактует о «митраизме», под которым в данном случае понимаются «древнейшие пласты индоиранской религии и культовых практик, какими они были до реформ Заратустры» (с. 65). Здесь автор, подвергая сомнению тезис о непосредственном влиянии «митраизма» на древнеболгарские верования, склонен признать сходство их астральных аспектов, указав (вслед за этнографом Р. Нейковой³) в качестве параллели на осетинские (аланские) религиозные представления. В тоже время вывод о степени оригинальности фольклорных источников и предположение о том, что именно натиск иноверного тюркоязычного населения вынудил болгар «удалиться в горы центральной части Балканского полуострова после 1396 г.» и «способствовал обновлению старых верований и консервированию некоторых из них под христианской “вуалью” такими, какими они отразились с немалыми османскими напластованиями в XIX в., когда были записаны первые фольклорные свидетельства» (с. 71), на наш взгляд, не вытекает из приведенных «параллелей», тем более, что сам автор выражает сомнение в их строгости (с. 78–79). Ц. Степанов полагает, что «культурно-историческая связь “сарматы — аланы — (прото)болгары”⁴ действительно продуктивна и эвристична, если найти адекватные методы и методологии для ее раскрытия». «Если она с течением

³ Нейкова Р. Етнокултурни паралели по пътя на българите в Балкано-Кавказкото пространство и Поволжието. София, 2015.

⁴ Ц. Степанов употребляет характерный для болгарской медиевистики термин «прабългари», заключая в скобки приставку «пра». Мы переводим этот термин в соответствии с отечественной традицией как «(прото)болгары».

времени будет наполняться все новыми фактами и адекватными интерпретациями, — заключает он, — то индоиранское начало в изучении дохристианской самой ранней религиозности (прото)болгар ждут несомненный успех и доминирование» (с. 85).

Последний (и самый краткий) раздел главы посвящен точкам зрения, исходящим из тезиса о синкретизме древнеболгарских верований. Среди их авторов и сторонников Ц. Степанов выделяет Александра Мошева, чья книга⁵ сочетает этот тезис с «удревнением» истории болгар как наследников древних обитателей Балкан на два с лишним тысячелетия. Сам Степанов подчеркивает, что «древние болгары бесспорно были негомогенной группой племен <...> часть которых имела несомненное алтайское происхождение», а в начале IX в. с территориальным расширением Дунайской Болгарии и вхождением в ее границы ряда автохтонных и «склавинских» племен, повторно усилился эффект индоевропейского начала в религиозности (прото)болгар». «С этого момента и далее, — пишет он, — в сущности, начались процессы медленного сплавления в одно этническое и культурное целое, которое станет известно как средневековая болгарская народность» (с. 85).

Во вторую часть книги вошли историографические очерки. В каждом из них Ц. Степанов подтверждает процитированный выше тезис. Самый пространственный очерк посвящен скальному рельефу в Мадаре (с. 89–111). Автор при явно выраженной симпатии к гипотезам об индо-иранских коннотациях изображения трактует его как место памяти. Вневременное (сам рельеф, пещера-храм, не сохранившийся каменный столб и другие элементы религиозного комплекса) сочетается с древнеболгарскими надписями, которые, «вводят место в конкретное время, событийность и историю» (с. 105). Другие очерки посвящены мартенице — распространенному и в наши дни украшению в честь наступления весны (с. 111–118); обычаям, связанным с зимним равноденствием (с. 119–122) и (совсем кратко) семантике обычая снимать пояса в храме (с. 122–123). Как заключает автор, все эти примеры ведут к «одному корню» — индоевропейскому / индоиранскому началу, а не к тюркоязычным этносам, причем вторая часть заключения имеет для его атрибуции, как нам представляется, более принципиальное значение.

В третьем разделе Ц. Степанов рассмотрел работы, лежащие в рамках так называемой «фракийской парадигмы». Как он полагает, многие авторы, работающие в ее русле, пренебрегают «фактом этнической негомогенности» создававшихся в те времена на землях Римской империи ранних государств Европы и сводят «намного более сложные в своем генезисе и развитии процессы и феномены поздней Античности и раннего Средневековья к совсем упрощенным схемам». Автор сетует, что при этом остаются невостребованными подходы Р. Венкуса и ученых Венской историко-антропологической школы (Х. Вольфрама, В. Поля и др.), а также других современных историков (П. Хизера, У. Гоффарта и др.) (с. 135). Другую частую методологическую ошибку анализируемых работ Ц. Степанов видит в том, что их авторы не принимают во внимание хорошо известную византийскую традицию архаизации этнонимов, вследствие которой сербы называются трибаллами, венгры — турками и пр. Недостаточно учитывается и то, что взаимоотношения между пришельцами-болгарами и остатками местного населения происходили в обстановке хозяйственного, демографического, социального

⁵ Мошев А. *Bolgar*: Тайните на нашия произход. [София], 2015.

и культурного упадка из-за многочисленных нашествий и войн. Следует согласиться с мнением автора о неприменимости данных ДНК-анализа к исследованию этнокультурных процессов (с. 150).

Безусловный интерес представляет включенный в эту часть отдельный очерк (с. 150–158) о происхождении и функциях колобора и колобризмы — особой жреческой функции и обрядов, связанных с древнеболгарскими воинскими ритуалами, в которых Ц. Степанов вслед за анализируемыми трудами видит реликты обычаев балканских автохтонов. Завершается параграф возвращением к теме рельефа в Мадаре, где автор последовательно отвергает гипотезы о его фракийском происхождении, возвращаясь к заключению о синкретическом и диахронном характере всего Мадарского комплекса (с. 158–169).

Четвертый раздел — «Болгары и христианская проповедь с 632/5 по 864 г.» (с. 170–194) — включает отчасти известный отечественному читателю⁶ анализ историографии, связанной с изучением христианства на территории Болгарии до его официального принятия в 863/864 г. здесь Круг авторов ограничивается принадлежностью к «официальным научным институтам» и сосредоточивается на «точках напряжения» дискуссий. Первая из таких «точек» относится к «разграничению между христианизацией склавинов и (прото)болгар посредством свободного распространения среди них христианской проповеди задолго до 864 г. и процессом официального крещения последних». Принимая важность такого разграничения, нельзя не заметить, что к моменту официального принятия христианства князем Борисом-Михаилом и «склавины», и «(прото)болгары» составляли общность подданных и совокупный объект крещения как политического акта. Вторая «точка напряженности» касается распространения христианства среди представителей правившего в Болгарии в конце VII – первой половине VIII в. рода Дуло (Дулу) и болгарской знати в целом. Конкретные предположения о христианском вероисповедании болгарских правителей, по мнению Степанова, могут касаться лишь некоторых из них: государя древней Великой Болгарии Кубрата и его внука Тервела (700–721), перебежчика в Византию Телерига, принявшего крещение под именем Феофилакта. Что касается изложенного болгарским (охридским) архиепископом Феофилактом предания о принявшем христианство и казненном за это сыне Омуртага (814–831) Воине (Бояне) — Энравоте, то автор не принимает основанные на этом предании гипотезы о гонениях на христиан в Болгарии первой трети IX в. и о последующем возведении в Плиске посвященного Воину храма-маририи и справедливо критикует их за несоответствие широкому кругу письменных и археологических свидетельств. Привлекая выводы исследования С. А. Иванова о византийском миссионерстве⁷, Степанов критикует гипотезы об инициированной Константинополем в первой половине IX в. активной проповеди христианства среди болгар и о вызванных ею антихристианских гонениях.

Относительно другой группы предположений — о постепенном формировании до официального крещения Болгарии на ее территории христианских общин и даже диоцезов — автор разделяет выводы Б. Николовой об угасании сети ранневизантий-

⁶ Степанов Ц. Болгары и христианство до 864 года: историографический ракурс (1989–2009) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 3–10.

⁷ Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003; Ivanov S. «Pearls before swine»: Missionary work in Byzantium. Paris, 2015.

ских диоцезов на территории, подвластной болгарским правителям в VII–IX вв.⁸ Наряду с этим он принимает другой распространенный в историографии тезис — о наличии в первой половине IX в. значительного и пополняемого переселенцами и пленниками из Византии христианского сегмента в населении страны. В соответствии с выводами предшествующих глав книги, Степанов завершает главу согласием с мнением Ю. Стоянова о «разнообразном и эклектичном религиозном климате» накануне принятия христианства в Болгарии, где «еще были живы контакты и синкретизм различных религиозных традиций»⁹ (с. 194).

Эту констатацию продолжает и конструируемый автором в конце книги, по его мнению, «наиболее удачный» «подход к изучению отдельных аспектов древней болгарской религии», в рамках которого «пространство от Средней Азии до Юго-Восточной Европы» предстает «территорией синтеза прежде всего скифских и фрако-гето-кельтских традиций», а с середины I тысячелетия н. э. — «сармато-аланских и алтайских традиций», которые «у различных этносов и государственных формаций проявлялись в различной степени» (с. 202). Такая «интерпретативная стратегия», по мысли автора, удержит от поисков «чистых» религиозных форм и репрезентаций.

Внимание читателя не может не привлечь объяснение Ц. Степановым отсутствия в своей книге раздела о славянской религии, которое имеет смысл процитировать: «А почему здесь отсутствует интерпретация т. н. славянской религии, могли бы спросить некоторые читатели? Ведь склавнины <...> составляли одну из основных составляющих т. н. языческой болгарской культуры?» Автор, ссылаясь на известную книгу Флорина Курты, переводчицом которой на болгарский язык (2009) он был¹⁰, подчеркивает, что славянами их стали называть значительно позднее. «Следует подчеркнуть, — продолжает он, — что наука не располагает ясными и однозначными данными о религии так называемых болгарских славян после второй половины VII в.», а «почти все объяснительные схемы относительно славянской религии на системном уровне, наличествующие к данному моменту, в сущности, являются реконструкциями, осуществленными на основе данных IX–X вв., почерпнутых у т. н. западных и восточных славян» (с. 22). В подстрочник автор вынес ссылки на книги богослова И. Панчовского, историка и археолога С. Станилова и философа А. Стойнева¹¹, а в библиографию внес два из четырех томов справочника праславянских племен археолога Ч. Бонева¹². Приведенные Степановым доводы не представляются достаточным основанием для столь скромного представления их выводов и предположений. Кроме того, именно на фоне опровержения «славянского тезиса», в котором немалую роль сыграла книга

⁸ *Николова Б.* Ранното християнство в България преди покръстването. Теории и реалност // 1100 години Велики Преслав. Т. 1. Шумен, 1995. С. 182–194.

⁹ *Stoyanov Yu.* The Other God: Dualist religions from Antiquity to the Cathar heresy. New Haven, 2000.

¹⁰ *Курта Ф.* Създаването на славяните: История и археология на Долнодунавския регион, ок. 500–700 г. / Превод от английски Цв. Степанов. София, 2009. (Оригинал: *Curta F.* The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001.)

¹¹ *Панчовски И.* Пантеонът на древните славяни и митологията им. София, 1993; *Станилов С.* Славяните в Първото царство. Варна, 1986; 2-е изд. София, 2002; *Стойнев А.* Българските славяни. Митология и религия. Светогледен анализ. София, 1988.

¹² *Бонев Ч.* Праславянските племена. Ч. 1 (А). София, 2007; Ч. 2 (Б–К). София, 2008; Ч. 3 (Л–Я). Праславянската църква и други проекти (основни тези). София, 2009; Ч. 4 (Л–Я). София, 2010.

П. Цветкова¹³, в рассматриваемый период строилось едва ли не большинство анализируемых работ.

Связываемые со славянскими верованиями фольклорные реликты, считает Степанов со ссылкой на А. Чилингирова¹⁴, могут принадлежать «субстратному населению» (с. 203) — фракийцам, гетам, кельтам и др., и могут быть интерпретированы через их общее индоевропейское начало. Необходимо заметить, что доказательства Чилингирова опираются на языковедческую аргументацию, которую Степанов в своей работе специально не анализирует. Сам же вывод о неславянском происхождении этих представлений не отменяет их возможной принадлежности балканским славянам в раннем Средневековье, когда потомки «субстратного населения» могли составлять с ними общность.

Действительно, в последние десятилетия к славянской тематике в Болгарии обращались нечасто. Однако авторы многих трудов утверждают свои выводы буквально «на костях» «славянских» гипотез, и это обстоятельство также подчеркивает необходимость их историографического анализа.

Таким образом, обзор «славянской» тематики не стал бы излишним в интересной и полной аргументированных оценок и весомых выводов книге Ц. Степанова. Оставаясь в рамках аргументации автора, нельзя не отметить, что отсутствие или скудость достоверных и современных эпохе источников, наличие реконструкций, основанных на сравнительном материале других народов и времен и пр., вполне можно отнести и к упоминаемым в источниках с IV в. ранним булгарам и связываемым с ними этносам, и к (прото)булгарам конца VII–VIII вв., и к булгарам IX в., особенно если учитывать эволюцию термина «болгары» от этнонима к политониму. «Слоистая» структура формирования этноса; преобладание лингвистических и этнокультурных факторов над этногенетическими; прерывистая, «пунктирная» идентичность; синкретизм верований и «внешнее» происхождение этнонима не являются уникальными особенностями раннесредневековых славянских обитателей Балкан.

Начиная книгу с обзора «парадигм» и завершая ее наброском исследовательской программы, Ц. Степанов совершает методологический переход от «революционной» модели развития знания по Т. Куну к «программной» модели его приращения И. Лакатоса. Как нам представляется, именно такой переход необходим и в изучении религиозной ситуации на той территории, где в VII–IX вв. происходило сложное взаимодействие остатков автохтонного и пришлого населения, древних болгар и славян, результатом которого стало создание Болгарского государства как одной из важнейших держав христианской Европы.

Информация о статье

Автор: Польшанский, Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, dipol53@mail.ru; OrcID <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Заголовок: От синкретизма к христианизации: историографические подходы к религиозности раннесредневековых болгар

Резюме: Рецензия на книгу болгарского медиевиста Цветелина Степанова «Религии в языческой Болгарии. (Историографические подходы 1980–2015)» (Степанов, Цветелин. Религии в езическа

¹³ Цветков П. Славяни ли са българите? София, 1998.

¹⁴ Чилингиров А. Размисли за българския език. София, 2014.

България. (Историографски подходи 1980–2015 г.). София: Парадигма, 2017. 255 с.). Новый труд Ц. Степанова представляет религиозную ситуацию в раннесредневековой Болгарии через анализ болгарской историографии 1980–2015 гг. на широком сравнительно-историческом фоне и в свете современных методологических подходов. Рецензент оценивает книгу Ц. Степанова как показатель методологического перехода от «революционной» модели развития знания по Т. Куну к «программной» модели его приращения И. Лакатоса. Рецензент полагает, что такой переход необходим и в изучении религиозной ситуации на той территории, где в VII–IX вв. происходило сложное взаимодействие остатков автохтонного и пришлого населения, древних болгар и славян, результатом которого стало создание раннесредневекового Болгарского государства.

Ключевые слова: раннесредневековая Болгария, тенгрианство, зороастризм, митраизм, синкретизм, христианизация

Литература, использованная в статье

Бонев, Чавдар. Пращлавянските племена. Ч. 1 (А). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. 274 с.; Ч. 2 (Б–К). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. 260 с.; Ч. 3 (Л–Я). Пращлавянската църква и други проекти (основнитези). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2009. 172 с.; Ч. 4 (Л–Я). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. 204 с.

Иванов, Сергей Аркадьевич. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? Москва: «Языки славянской культуры», 2003. 376 с.

Курта, Флорин. Създаването на славяните: История и археология на Долнодунавския регион, ок. 500–700 г. / Превод от английски Цв. Степанов. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009. 448 с.

Мошев, Александър. Volgar: Тайните на нашия произход. [София]: Атеа Букс ЕООД, 2015. 272 с.

Нейкова, Ружа. Етнокултурни паралели по пътя на българите в Балкано-Кавказкото пространство и Поволжието. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов»; Фондация «Тангра-ТанНакРа», 2015. 519 с.

Николова, Бистра. Ранното християнство в България преди покръстването. Теории и реалност // 1100 години Велики Преслав. Т. 1 / Отг. ред. Тотев, Тотю. Шумен: Университетско издателство «Еп. Константин Преславски», 1995. С. 182–194.

Панчовски, Иван. Пантеонът на древните славяни и митологията им. София: Булвест–2000, 1993. 280 с.

Станилов, Станислав. Славяните в Първото царство. Варна: Г. Бакалов, 1986, 118 с.; 2-е изд. София: Класика и стил, 2002. 126 с.

Степанов, Цветелин. Българите и степната империя през Ранното средновековие: Проблемът за Другите. София: ИК «Гутенберг», 2005; 187 с.

Степанов, Цветелин. Болгары и християнство до 864 года: историографический ракурс (1989–2009) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 3–10.

Степанов, Цветелин. Религии в езическа България. (Историографски подходи 1980–2015 г.). София: Парадигма, 2017. 255 с.

Стойнев, Анани. Българските славяни. Митология и религия. София: Народна просвета, 1988. 144 с.

Цветков, Пламен. Славяни ли са българите? София: Тангра-ТанНакРа, 1998. 208 с.

Чилингиров, Асен. Размисли за българския език. София: ХеронПрес, 2014. 108 с.

Curta, Florin. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 496 p.

Stepanov, Tsvetelin. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the «Others». Leiden; Boston: «Brill», 2010. 192 p.

Stepanov, Tsvetelin. State-formation in Danubian Bulgaria, AD 681–865. Religious dimensions // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1 (13). P. 5–32.

Sztepanov, Cvetelin. Lovasnomád birodalmak és városalakók. A mások problémája. Budapest: «Napkút Kiadó», 2008. 150 p.

Stoyanov, Yury. The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy. New Haven: Yale University Press, 2000. 476 p.

Information about the article

Author: Polyvyanny, Dmitriy Igorevich — Doctor in History, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, dipol53@mail.ru; OrcID <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Title: From syncretism to Christianization: Historiography approaches to the religiosity of the early medieval Bulgars

Summary: It is a review of the book «Religions in Pagan Bulgaria (Historiographical Approaches 1980–2015)» by the Bulgarian medievalist Tsvetelin Stepanov (Stepanov, Tsvetelin. *Religii v ezicheska Bălgariya (Istoriografski podhodi 1980–2015)*. Sofiya: Paradigma Publ., 2017. 255 p.). Ts. Stepanov's new work represents the religious situation in the early medieval Bulgaria through the analysis of the Bulgarian historiography of 1980–2015 on a broad comparative historical background and in the light of modern methodological approaches. The reviewer considers Ts. Stepanov's book as an indicator of the methodological transition from the «revolutionary» model of knowledge development according to T. Kuhn to the «program» model of its growth following I. Lakatos. The reviewer believes that such a transition is necessary for the research of the religious situation in the territory where in the 7th–9th centuries there was a complex interaction between the remnants of the autochthonous and alien population groups, including the early Bulgars and Slavs, which resulted in the creation of the early medieval Bulgarian state.

Keywords: early medieval Bulgaria, Tengrianism, Zoroastrianism, Mithraism, syncretism, Christianization
References

Bonev, Chavdar. *Praslavyanskite plemena [Proto-Slavic tribes]*. Part 1 (A). Sofia: «Prof. Marin Drinov» Academic Publ., 2007. 274 p.; Part 2 (B–K). Sofia: «Prof. Marin Drinov» Academic Publ., 2008. 260 p.; Part 3 (L–Ya). *Praslavyanskata tserkva i drugi proekti (osnovni tezi) [Proto-Slavic church and other projects (main theses)]*. Sofia: «Prof. Marin Drinov» Academic Publ., 2009. 172 p.; Part 4 (L–Ya). Sofia: «Prof. Marin Drinov» Academic Publ., 2010. 204 p. (in Bulgarian).

Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 496 p.

Cvetkov, Plamen. *Slavyani li sa balgarite? [Are the Bulgarians Slavs?]*. Sofia: Tangra-TanNakRa Publ., 1998. 208 p. (in Bulgarian).

Chyilingirov, Asen. *Razmislī za balgarskiya ezik [Essays on the Bulgarian language]*. Sofia: HeronPres Publ., 2014. 108 p. (in Bulgarian).

Ivanov, Sergey Arkad'evich. *Vizantiyskoe missiонерство: Mozhno li sdelat' iz «varvara» hristianina? [Byzantine Missionary Activities: Can a Barbarian be turned into Christian?]*. Moscow: «Languages of Slavic culture» Publ., 2003. 376 p. (in Russian).

Kurta, Florin. *Sazdavaneto na slavyanite: Istoriya i arheologiya na Dolnodunavskiya region, ok. 500–700 g. [The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700]*. Translated by Ts. Stepanov. Sofia: «St. Clement of Ohrid» University Press, 2009. 448 p. (in Bulgarian).

Moshev, Aleksandr. *Bolgar: Tainite na nashia proizhod [Mysteries of our origin]*. [Sofia]: AteaBuks Publ., 2015. 272 p. (in Bulgarian).

Nezhkova, Ruzha. *Etnokulturni paraleli po patya na balgarite v Balkano-Kavkazkoto prostranstvo i Povolzhieto [Ethno-cultural parallels on the way of the Bulgars to Balcan-Caucasian space and Volga basin]*. Sofia: «Prof. Marin Drinov» Academic Publ.; Tangra-TanNakRa Publ., 2015. 519 p. (in Bulgarian).

Nikolova, Bistra. *Rannoto hristiyanstvo v Bălgariya predi pokrastvaneto. Teorii i realnost [Early Christianity in Bulgaria before the Conversion. Theories and reality]*, in Totev, Totyu (ed.). *1100 godini Veliki Preslav [1100 years to Veliki Preslav]*. Vol. I. Shumen: «Konstantin Preslavsky» University Press, 1995. Pp. 182–194 (in Bulgarian).

Panchovsky, Ivan. *Panteonat na drevnite slavyani i mitologiyata im [The Pantheon of the ancient Slavs and their mythology]*. Sofia: Bulvest-2000 Publ., 1993. 280 p. (in Bulgarian).

Stanilov, Stanislav. *Slavyanite v Parvoto carstvo [The Slavs in the First Tsardom]*. Varna: «G. Bakalov» Publ., 1986. 118 p. (in Bulgarian).

Stanilov, Stanislav. *Slavyanite v Parvoto carstvo [The Slavs in the First Tsardom]*. 2nd edition. Sofia: Klasika i stil Publ., 2002. 126 p. (in Bulgarian).

Stepanov, Tsvetelin. *Balgarite i stepnata imperiya prez Rannoto srednovekovie: Problemat za Drugite [The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the «Others»]*. Sofia: IK «Gutenberg» Publ., 2005. 187 p. (in Bulgarian).

- Stepanov, Tsvetelin. Bolgary i khristianstvo do 864 goda: istoriograficheskiy rakurs (1989–2009) [The Bulgars and Christianity before 864: historiographical aspect], in *Slavyanovedenie*. 2010. No. 4. Pp. 3–10. (in Russian).
- Stepanov, Tsvetelin. *The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the «Others»*. Leiden; Boston: Brill Academic Publ., 2010. 192 p.
- Stepanov, Tsvetelin. State-formation in Danubian Bulgaria, AD 681–865. Religious dimensions, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. Vol. 1 (13). Pp. 5–32.
- Stepanov, Tsvetelin. *Religii v ezicheska Balgariya* (Istoriografski podkhodi 1980–2015 g.) [*Religions in Pagan Bulgaria* (Historiographic approaches 1980–2015)]. Sofia: Paradigma Publ., 2017. 255 p. (in Bulgarian).
- Stoyanov, Yury. *The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy*. New Haven: Yale University Press, 2000. 476 p.
- Stoynev, Anani. *Balgarskite slavyani. Mitologiya i religiya* [*The Bulgarian Slavs. Mythology and religion*]. Sofia: Narodna prosveta Publ., 1988. 144 p. (in Bulgarian).
- Sztepanov, Cvetelin. *Lovasnomád bírodalmak és városalakók. A mások problémája* [*The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the «Others»*]. Budapest: Napkút Kiadó Publ., 2008. 150 p. (in Hungarian).